
Владимир Логинов
Звезда Барнарда
18+

Владимир Логинов
Звезда Барнарда

https://litres.ru/74898292
SelfPub; 2026

Аннотация

На четвёртой планете по имени Герония системы звезды Барнарда вот уже восемьдесят миллионов лет существует древняя цивилизация человечества, которая, после серии экспериментов с видами мыслящих существ на Земле, создала человека по своему подобию, примерно два-три миллиона лет назад и в настоящее время, как и в прошлом, наблюдает за развитием человеческого общества, имея в среде людей своих экспертов. Гигантский разрыв по времени рождения у двух цивилизаций в похожих звёздных системах наложил свой отпечаток на развитие культурных кодов у человечества с разных звёздных систем, но геронийцы как более старшие и мудрые общаются с землянами просто, без какой-либо заносчивости или снисходительности. Сами земляне не замечают «чужаков», потому что геронийские наблюдатели такие же по внешнему виду, ну разве что красивее, утончённее, всё-таки, это очень древняя раса.

Содержание

Часть первая: МИР 5
Глава 1. 5
Глава 2. ЖИЗНЬ 38
Глава 3. 77
Конец ознакомительного фрагмента. 79

Владимир Логинов
Звезда Барнарда

Верни мне мир людей красивых,
Верни надежду и любовь…
Марианна Смирнова

Часть первая: МИР ЭНЕРГИЙ

Глава 1. УПОРЯДОЧЕННЫЙ ХАОС ПОВСЕДНЕВНОСТИ

На центральной улице, довольно большого микрорайона города Энска, которую в своё время, не скромничая, назвали проспектом Мира, расположился огромный супербутик на шесть этажей с эскалаторами, или, по-старому, универмаг с восемью входами-выходами на первом этаже. В этом бутике можно было приобрести почти всё: от съестных припасов, одежды и обуви, до любой, кроме автомобилей, электронной техники домашнего назначения. Широкая площадь перед фронтальной частью бутика покрыта декоративными бетонными плитами, по этой площади в шахматном порядке расположились квадратные клумбы с разноцветными петуниями, герберами и высокими, алыми цинниями. От проезжей части проспекта эта бутиковая площадь отгорожена голубыми елями и пирамидальными туями.

С некоторых пор входы-выходы в первом этаже торгового

заведения оккупировал некий нищий, хромой бомж по прозвищу Лёнька-коробейник. В любое время года этот лжеинвалид сидел в фойе входа с картонной коробкой перед собой. Бомж был одет в затасканную, камуфляжную форму военного образца, на ногах его солдатские ботинки, на голове военно-полевая фуражка, рядом, прислонённый к стенке, стоял короткий, локтевой костыль. Лёнька, обросший волосами до плеч, с усами и запущенной бородой, выглядел звероподобно, но сгорбленный он смотрелся жалко. Он не канючил, не взывал к покупателям, а просто посматривал на граждан грустными глазами и те как-то сочувственно клали в коробку бумажные полтинники и сотенки, давно уже ставшие самой мелкой разменной деньгой в бурном рыночном времени.

Ни у кого из многочисленных посетителей большого торгового заведения при виде инвалида в военной форме даже и мысли не возникало, что на самом деле бомж Лёнька-коробейник давно избрал нищенство своей профессией и вечером, после такой вот «работы», шёл с костылём, подволакивая ногу, домой. А дом у Лёньки – это двухэтажный коттедж на двенадцать комнат с садом и гаражом, в котором стояли чёрные БМВ и Мерседес-Бенц, а для жены и дочери изящный, сиреневый Фиат. Естественно, всё домовое хозяйство было окружено глухим, бетонным забором в два с половиной метра высотой а в обширном дворе с грозным рыканьем бегали две овчарки.

Обычно Лёнька, подходя к своему дому, бегло и воровато

оглядывался по сторонам и быстро исчезал за высокой, металлокерамической, калиткой с автоматическим, электронным замком и широкоформатной видеокамерой. Дома Лёнька быстро преображался: выпрямлялся, отставлял в сторону свой костыль, снимал с себя военную форму, а с головы парик, сдирал фальшивую бороду, усы, лез под душ, после чего становился Игорем Петровичем Даманским, уважаемым человеком, жена которого Анна Васильевна Даманская была главным менеджером, а, попросту говоря, генеральным директором того самого шестиэтажного бутика с десятками арендаторов в нём, и, где Игорь Петрович (Лёнька) честно «зарабатывал» свои деньги.

Бывало и так, что в выходные дни Коробейник в универмаге «не работал», а, обратившись в добропорядочного гражданина Даманского, хорошо выбритый и пахнущий дорогими, мужскими духами, важно входил со своей женой Анной Васильевной в местный театр на очередной спектакль или, поставив свой Мерседес на стоянку возле Дворца металлургов, шёл с женой на концерт столичных артистов. И никто даже подумать не мог, что это и есть Лёнька-коробейник, нищеброд, инвалид и мафиози из универмага.

Лёнька для одних, и он же Игорь Петрович Даманский для других, человеком был независимым, сколько у него было денег на личном счёте в Сбербанке и в других коммерческих банках не знала даже его жена, Анна Васильевна. Независимость свою Игорь Петрович Даманский, он же Лёнька-коро-

бейник, отстаивал всеми доступными средствами. Ещё лет пять назад к нему в бутике бесцеремонно подсел местный уголовный авторитет Васька Коноплёв по кличке Гном.

- Слушай сюда, козёл колченогий! - заговорил он, нагло глядя в волосатую физиономию псевдоинвалида. – Вечером буду заходить я или мои помощники Женька Таракан или Дуремар за выручкой! Половина твоих доходов – наша! Запомни, козья морда, я твоя крыша! Не слышу ответа! Усёк, харя твоя волосатая, неумытая?

И тут уголовный авторитет почувствовал как ему между рёбер уткнулся ствол огнестрельного оружия. Гном с холодом в желудке это сразу понял, а бомж Лёнька как-то даже равнодушно, но внушительно прошипел:

- Вот что, сучонок! Гнида беспородная! Пистолет у меня трофейный, с глушителем, я сейчас тебе по-тихому пулю в брюхо пущу и уйду, ну, а уж тебе пусть червонцы прохожие в коробку кидают, глядишь мигом забогатеешь, заработаешь себе на картонный, лакированный гроб. О семье своей подумай, сявка беспородная! А не то в твою личную берлогу, на штрассе Грибоедова, тридцать пять, граната, невзначай, залетит. Тебе это надо?

- Ка… какая ещё г-граната? - пролепетал Гном, у которого как-то сразу отнялись ноги.

- РПГ- 40, чума болотная! - последовал короткий ответ лжеинвалида. – Чеши отсюда и, чтоб больше я тебя не видел, сволочь вшивая!

Сообразительный Гном сразу всё понял: на такого «работягу» бесполезно накатывать, себе дороже. Он быстро, и откуда силы взялись, молча встал и, не оглядываясь, ушёл. Больше Лёньку-коробейника никто не беспокоил, местная, уголовная братва вполне разумно посчитала, что этот Лёнька из городской, ветеранской кодлы, а с этими ребятами лучше не связываться, они смерть видели, как говорится, «в лицо» и церемониться здесь с кем-либо из местной шпаны для них западло.

Практически все промышленные города необъятной России ещё три века назад грамотными русскими первопроходцами всегда закладывались возле большой воды. Они, эти великие и прозорливые, русские пионеры, нутром чуяли, что именно в этом месте вода всегда будет нужна для большого промышленного производства, что и происходило через некоторое время: закономерно в этом месте возникал, вырастал вскорости, металлургический, машиностроительный или химический гигант, мелочиться русские люди не умели и не хотели.

Вот город Энск, где проживал наш Лёнька в двух лицах, и появился три века назад в красивом месте на берегу реки, среди лесов и гор. В городе этом как-то сразу выросли все три, перечисленные выше, промышленных гиганта. Мало того, так и металлурги, и машиностроители, и химики каждый пожелал иметь свой, собственный Дворец культуры, со своими духовыми оркестрами и самодеятельностью. А ещё в

городе появился, вполне закономерно, мощный домостроительный комбинат, так работники комбината посчитали для себя унизительным не иметь своего дворца -- вот и возвели строители собственный культурный объект, не уступающий по площади и архитектурному облику другим дворцам. И уж, конечно, в таком большом городе возникла и быстро выросла, само собой положенная развитому населённому пункту с крупным железнодорожным узлом, вся весьма сложная, городская инфраструктура с драматическим театром соответственно.

Естественно, город с такими богатыми предприятиями был очень даже скоро наводнён разношёрстным народом: одни приехали честно трудиться на заводах и комбинатах, вносить свою трудовую лепту в общее дело, а другие, «деловые люди» разных калибров и наклонностей, почуяв здесь наживу, тоже понаехали отовсюду, слетелись словно стервятники на поживу, и каждый для вида прикрылся какой-нибудь благородной профессией. Ну, а где такие дельцы и шальные деньги в больших количествах, там обязательно, словно сорная трава на пустыре, произрастает криминал всех сортов, а следить за ним, конечно, необходимы правоохранительные органы.

Как-то июньским днём, ближе к вечеру, к Лёньке в картонную коробку, на мятые бумажные и металлические полтинники вальяжно опустилась пятитысячная купюра. Лёнька поднял глаза на щедрого дарителя и узнал в нём, свое-

го в прошлом, одноклассника, Сергея Лапшина, к которому в местном уголовном мире прочно прилепилось погоняло Простата, скорей всего, потому, что он пытался лечить эту важную для мужчины железу разными способами, в том числе и народными, да всё бестолку. Он о своём недуге, естественно, не болтал на каждом углу, но ведь, как говорится, шила в мешке не утаишь. В этот свой неожиданный приход Сергей Лапшин весело посмотрел на Лёньку, подмигнул мнимому инвалиду, и присел рядом с ним на корточки.

- Здорово, паразит! - ухмыляясь, заговорил он. - На горбу народа хочешь в рай въехать?

- С чего это ты взял, что я паразит? - заговорил в ответ Лёнька, улыбаясь волосатым ртом. - Учти, Серый, далеко не каждый бомж в грязь, в слякоть, в непогоду, а тем более у нас зимой, на морозе, на сквозняке, под любопытным и насмешливым оком прохожих, а то и проходимцев всяких, будет здесь сидеть и зарабатывать тут эти жалкие гроши.

- Знаю я какие это гроши! - примирительно заговорил Лапшин. - И слово зарабатывать здесь как-то мало подходит. Ты вот что, я к тебе не морали читать сюда припёрся! У меня дело к тебе! Сразу могу пообещать пять процентов с будущего дохода. Совет мне твой нужен.

- Базарь, Простата! Издаля чую, зря не придёшь! - тихо бросил Лёнька, зыркнув по сторонам.

- Подскажи, где играют по крупняку? - сразу перешёл к делу Лапшин.

- Та-ак, хочешь сразу весь банк снять на халяву? - иронично усмехнулся догадливый Лёнька.

- Тебе-то что? - мрачно бросил Лапшин. - Даю же пять процентов, а ты моё слово знаешь.

- Ну вот зачем тебе деньги, Простата? - философски заёрничал Лёнька. - От них в мире одно зло и неудобняк.

- За тем же, зачем и тебе! – злобно отпарировал Лапшин. - А вообще-то плюю я на них, Лёха! Просто я математику уважаю, особенно четыре действия арифметики: одни скоты у нас в городе любят прибавлять и умножать, а я люблю делить и отнимать. А ещё я терпеть не могу как некоторые уроды на вполне законных основаниях строят хитрые, финансовые схемы и легко запускают свои грязные лапы в государственный карман, а потом эти ворованные деньги беззаботно проигрывают в карты или в рулетку.

- Ладно! Базара нет, Лапшин! - прошипел в ухо пришельцу Лёнька. - И пять процентов мне не нужны, меня, Серый, устраивает свой заработок, а как однокласснику своему подмогну. Запоминай: Достоевского, двадцать семь.

- Ага, это ж улица коттеджей! - буркнул Лапшин.

- Терема, особняки, сам знаешь, богатый народ в тех берлогах живёт! - пояснил, улыбаясь, Лёнька.

- Всё, ухожу, Коробейник! Спасибо за адресок…

*****

Виктор Прощаев родился и вырос в городе Энске, естественно, с детства исходил его вдоль и поперёк, поднимался

в горы, уходил в туристические походы в леса и сплавлялся по рекам, одним словом город и его живописные окрестности знал преотлично. Закончив школу, уехал на учёбу в другой город, хотя учебных заведений в родном городе много, но по той специальности, которую он себе выбрал, учиться надо было на стороне. А выбрал он для себя, для души, седую древность – стал археологом, в культурных слоях планеты стал копаться, артефакты выискивать, историческое прошлое его увлекло прочно, бесповоротно.

А вот, приезжая домой на каникулы, особенно летом, Виктор прежде всего посещал одно место, которое он облюбовал ещё в детстве. Это была небольшая гора, сразу за городскими садами, и микрорайоном, где жили его родители, с двух сторон эту гору охватывал хвойный лес, а вершина у неё была лысая. И, всё-таки, на этой вершине росли два дерева - большая, угрюмая ель и солидная, разлапистая сосна, и как это часто бывает, на ели с давних пор поселился чёрный ворон. Вообще-то эти два дерева-одиночки вполне могли бы обзавестись своими детьми, приличным, мохнатым подлеском, да местное стадо коров с козами из частного сектора не давало на лысине горы вырасти лесу, коровы с козами методично, с весны до осени, съедали мягкие и вкусные всходы сосняка и ельника.

Вот и в этот раз, и тоже июньским летом, уже закончив обучение в своём ВУЗе, Виктор Прощаев приехал навестить родителей, но с утра известную сопку посетить ему не уда-

лось, прямо с поезда какие-то скоротечные и неотложные заботы отвлекли, а потому пошёл на лысую сопку уже вечером при заходе солнца. С вершины этой, можно сказать домашней сопки, всегда открывался во все стороны величественный, захватывающий дух, панорамный, широкомасштабный вид: внизу извилистой змеёй блестела водной чешуёй река, а вдоль неё овечьим табуном разлеглись такие маленькие разнокалиберные коробки зданий большого города, заводские трубы, складские помещения и производственные коробки предприятий.

Всё это близлежащее, человеческое наслоение в живописных окрестностях со всех сторон окружали горные хребты, поросшие лесом. Они, хребты эти, смотрелись мягкими, зеленовато-синими, океанскими волнами, а над ними почти у самой кромки палево-сиреневого горизонта, в огромном, жёлто-зелёно-красноватом, вечернем небе висело и плавилось в охристой дымке красно-малиновое блюдо солнца, которое мягко окрашивало под собой ближайшие волны лесистых, горных хребтов в красновато-сине-бурые оттенки. А ещё здесь, при полном, вечернем безветрии, стояла полнейшая тишина, как будто величественная картина мира на какое-то время замерла и отразилась на полотне великого художника – природы.

Виктор засмотрелся на этот вечерний, какой-то сказочный пейзаж, но через некоторое время почуял, что он тут, на вершине сопки, не один: возле сосны, вдруг, качнулся жен-

ский силуэт. В какой-то степени это его поначалу неприятно кольнуло, куда-то в селезёнку, и тут же отпустило. Странно было увидеть впереди, метрах в трёх стройную фигуру девушки среднего роста, одетой в лёгкий, песочного цвета, хитон. Она слегка опиралась левой рукой о мощный ствол сосны и тоже находилась в созерцательной задумчивости. В красноватых солнечных лучах, хитон казался песочно-оранжевым, а затянутые в тугой узел чёрные волосы на голове, казалось были объяты по краю ореолом огня. Взгляд неожиданной здесь девушки тоже был устремлён на запад, на коснувшееся нижним краем, такое спокойное блюдо красного солнца. Она негромко заговорила, не поворачиваясь к парню, видимо знала, что сзади стоит слушатель, и Виктору, по её выговору, почему-то, показалось, что она иностранка:

- Солнце, здешняя звезда, днём светит непривычно ярко, всё не могу привыкнуть, приходится защитные очки носить, но по вечерам, при заходе, оно очень похоже на моё родное светило, красный карлик, звезду Барнарда по вашему названию.

Такое начало общения с незнакомкой удивило молодого историка. Девушки в подобных встречах, как правило, помалкивают, а разговор при знакомстве начинают парни. На проскользнувшее в речи девушки выражение: «моё родное светило», Виктор поначалу не обратил внимания, но оно, вдруг, само дало о себе знать и парень совсем смутился.

- Вы, наверное, астроном по специальности и образова-

нию или даже астрофизик? - заговорил Виктор.

- Вот смотри, юноша! - продолжила девушка, не обращая внимания на реплику Виктора. - Физически ваше солнце уже скрылось за горизонтом ещё восемь минут назад и мы видим сейчас только его запоздалый свет, а всё потому, что расстояние от звезды в сто пятьдесят миллионов километров до планеты Земля фотоны света проходят за восемь минут. А вот моя родная планета Герония гораздо ближе к своему светилу, красному карлику, то-есть к звезде Барнарда, -- это будет всего девятнадцать миллионов километров, то-есть почти в десять раз меньше, и в полдень звезда светит примерно также как ваше солнце при заходе, вечером, то-есть приглушённо, оно в это полдневное время у нас золотисто-оранжевое и на него можно свободно смотреть, и видны большие пятна. В отличие от здешнего солнца, моё, родное светит в три раза меньше, но наше светило выглядит на небосводе в два с половиной раза больше, чем ваше вечернее солнце.

- Странно это слышать, -- медленно и напряжённо произнёс ошарашенный Виктор, повернув голову в сторону девушки. – Извините, я хочу сказать, что здесь, в этом месте, вообще-то редко кто бывает, тем более вечером.

- Я бываю! - ответила девушка, так и не повернув головы к парню.

- Возможно, - заметил Виктор, взбудораженный встречей неизвестно с кем.

- Не пугайся! - произнесла незнакомка. - Я обычная де-

вушка, тоже человек, только с планеты Герония. Это довольно близко к Солнечной системе и к планете Земля. По космическим меркам, конечно.

Виктор подозрительно взглянул на красивую незнакомку и уж не знал толком, что и сказать, у красавиц ведь свои причуды.

- Обычно я прихожу сюда рано утром, пока на траве роса, ну и, конечно, не каждый день, - промямлил парень, не соображая, что и говорить в подобном случае. - А вот вечером я здесь, пожалуй, в первый раз.

- А я прихожу сюда только вечером и только летом в погожий, ясный день, - заговорила девушка, повернув, наконец, голову к Виктору.

- Почему Вы приходите только в это время? - озадаченно переспросил парень, поражённый непривычной красотой девушки и её происхождением.

- Такое состояние природы, красный закат и красное, вечернее солнце напоминают мне мою родину, планету Геронию, - пояснила девушка. - Особенно сильно это сходство на Земле, когда начинается бабье лето и спокойная золотая осень – вот тогда вечером, на закате красный, раскалённый блин солнца у горизонта, золото и багрянец листвы на деревьях создают у меня сильное впечатление моей милой родины.

- Вполне возможно, -- растерянно промямлил Виктор.

- У вас Землёй заведует богиня Гея, мать вашей планеты,

но это наша богиня! - пояснила девушка. - У нас для богини Геи построены красивые, величественные храмы, но храмов науки, институтов и университетов на Геронии, конечно, больше.

Виктор растерянно смотрел на девушку, она напоминала ему южанку: красноватый, загорелый вид кожи, прямой тонкий нос и очень большие, удлиненные к вискам глаза, красиво очерченные губы выразительного рта, исключительной формы череп и великолепная копна чёрных волос, собранная на затылке в тяжёлый узел. Красота девушки была особой, индивидуальной, непохожей на стандартную красоту земных девушек. Лицо с тонкими чертами и весь облик девушки выдавал совершенную, утончённую красоту какой-то очень древней расы. «Пожалуй, она очень похожа на Нефертити, -- подумал Виктор. – Если взять перевод с древнеегипетского, то нефер-неферу означает лучший из лучших и получается, что имя жены фараона Эхнатона, да и известный её облик, запечатлённый в портрете, передаёт высшую степень красоты женщины, выше уже и быть-то не может, но эта незнакомка по красоте нисколько не уступает древней царице, а, пожалуй, даже в чём-то неуловимо превосходит её». Все эти сравнения промелькнули в мозгу историка почти мгновенно.

- Не удивляйся, Виктор, я не сумасшедшая! – снова заговорила девушка. – Просто я, повторяю, родилась не на Земле, а за полтора парсека отсюда на планете Герония в систе-

ме красного карлика, - это звезда Барнарда, названная так по имени астронома, открывшего её. У нас наша звезда зовётся иначе. А живу я в этом городе пятьдесят лет по земному времени. Я здесь работаю.

- Странно…, – заговорил, было, Виктор.

- Что молодая вроде бы на вид девушка, а оперирует такими цифрами, - улыбнулась девушка. – Ну так знай, что я действительно ещё молода, мне всего двести лет по земному времени при средней продолжительности жизни нашей расы в тысячу пятьсот и более лет, опять же по земному времени. На нашей планете год длится сто сорок суток, а в сутках – двадцать часов.

- А разве это возможно? – обомлел парень. – Жить так долго, организм не выдержит, нервная система! А почему Вы открылись именно мне?

- Насчёт продолжительности жизни, то вполне возможно! – отчеканила царственная красавица. – Физиология геронийца это вполне позволяет! Деление стволовой клетки гораздо медленнее, если у вас в среднем пятьдесят делений за всю жизнь, то у нас, геронийцев, -- триста пятьдесят. Наша жизнь и, тем более высокоорганизованная материя – человек, зародились в похожих, близких к земным, но всё же чуточку в других физических условиях: радиоактивный фон на нашей планете из-за частых вспышек на звезде в два раза выше, чем на Земле и приспособляемость биологических объектов у нас тоже выше. История развития нашего чело-

века – восемьдесят миллионов земных лет. У нас несколько иной геном и замедленный по сравнению с земным человеком метаболизм, обмен веществ, так что не удивляйся.

- Пытаюсь! – выдавил из себя Виктор, разволновавшись.

- Могу ещё добавить для твоего сведения, - щебетала красавица, - что это мы, геронийцы, создали здесь, на Земле, человека по своему подобию, а пятьдесят тысяч лет назад добавили здесь новейшего человека – кроманьонца, теперь вот наблюдаем за вами, иногда немного помогаем вам, после тщательного согласования и рекомендаций Института Человековедения. Парень ты грамотный и должен соображать, что эволюция – это сложный лабиринт с многочисленными поворотами и очередными тупиками. Наши эксперты следят за эволюцией человечества, хотя могут делать предсказания и прогнозы в пределах нескольких веков вперёд.

- Очень может быть…, - неуверенно промычал парень, плохо соображая и вообще не зная как себя вести в компании с инопланетянкой.

- А открылась я тебе, Виктор, потому, - продолжила незнакомка, - что ты принадлежишь к тем четырём процентам людей, которые, не подозревая о себе и о своих возможностях, ведут человечество, на наш взгляд, в прогрессивном направлении, вы называете их пассионариями. Ну, а меня называй земным именем Лидия, по специальности я социолог и биолог широкого профиля, в вашем обществе такого специалиста быть пока не может, слишком огромный объём знаний и

физических возможностей, ваш, мозг земного человека, такого количества петафлопс информации принять и удержать не в состоянии.

- Вообще-то, госпожа Лидия, - осторожно заговорил Виктор, опасаясь что ляпнет что-нибудь не то, -- я предполагал, что за земным человечеством кто-то присматривает, как за ребёнком двух-трёх лет, его же нельзя оставить одного. И потом нас, землян, СМИ, средства массовой информации, приучили к мысли, что вы, инопланетяне, давно уже живёте среди нас, следите за нами, ну и что-то там делаете. Но честно скажу Вы, Вас…

- Не ожидал встретить такого простого наблюдателя как я? – подхватила, улыбаясь, девушка. – А ещё тебе кажется, что я древнее, ископаемое существо, ты же по специальности археолог. Не удивляйся и не пугайся, Виктор.

Последние слова девушки больно хлестнули парня по его мужскому самолюбию.

- Чего это я должен пугаться? – с вызовом бросил он, в какой-то степени приходя в себя.

- Ну как же?! - заметила, продолжая мягко улыбаться, красавица. – Явиться сюда, на своё любимое место и застать тут пришельца со звёзд, - это ведь, всё-таки, явление нетипичное, стрессовое. Надеюсь, ты согласен со мной, господин Прощаев?

- Откуда Вам известно моя фамилия? А-а, прошу прощения, я совсем забыл, что…, - сконфузился парень.

- Да, да это у тебя в мозгу, и обращайся ко мне на ты, у нас не принято множественное число при обращении друг к другу. И вообще, Виктор, веди себя со мной также, как с обычной земной девушкой, физиологически мы с тобой, можно сказать, одногодки Я могла бы воздействовать на твоё сознание в нужном направлении, но хочу, чтобы ты сам взял себя в руки и вёл себя со мной естественным образом.

- Да я стараюсь, Лида, но мне…, - мялся парень, не зная толком как обращаться к девушке с таким количеством прожитых лет.

- Понимаю! Мешают двести лет моего возраста в земном исчислении! – очаровательно улыбнулась девушка. – А ты, я же говорю, ярко представь, что мне всего двадцать лет. – Ну, хорошо, давай я тебя, всё-таки, немножко подправлю, уберу состояние волнения и стресса.

Видимо девушка действительно как-то поколдовала с его сознанием, во всяком случае, Виктор сразу почувствовал уверенность и девушка уже казалась ему прекрасной незнакомкой, которую он даже ожидал встретить именно здесь, на своём любимом месте, и вот уже познакомился, и уже душа его тянулась к ней, и она уже казалась средоточием, центром мира, и всего живущего, и уже не было сил вот так взять и уйти, очень странное, необычное ощущение.

Небо над головой позеленело ещё больше, последний луч солнца вспыхнул и пропал за кромкой горизонта, но его энергия покрыла нижнюю часть небесного свода от горизон-

та и выше в победный красно-малиновый цвет. Девушка ещё раз посмотрела на вечернюю зарю, покрывшую чуть ли не полнеба, и, повернувшись к Виктору, просто сказала:

- Красота! Ты согласен? Но мне пора уходить, Виктор! Пошли!

- А, когда мы увидимся ещё? – вполне закономерно вырвалось у парня.

- Ты очень хочешь встречи со мной? – заговорила Лидия с загадочной улыбкой на лице. – Земным парням, противоположному полу, это свойственно!

Виктор поймал себя на мысли, что прекрасная незнакомка со звёзд произнесла эту фразу точно также как произнесли бы её тысячи земных девушек.

- Понимаю! Ну, если очень захочешь, то найдёшь меня завтра здесь в это же время. – пояснила Лидия. - Если, конечно, погода не изменится, - добавила она. – Если небо затянут тучи, то какой смысл приходить сюда? Кстати, я могу стать твоим куратором, тебе ещё предстоит многому научиться.

- Куратор!? – пролепетал Виктор. – А что? Я не против!

- Хорошо! – произнесла девушка и мило улыбнулась.

Красавица на глазах у Виктора начала таять, растворяться в воздухе. Он попытался остановить исчезновение и порывисто сделал обнимающий жест обеими руками, по обнял уже пустоту.

- Ну, если я на самом деле встретил пришельца в женском образе, то этого и следовало ожидать именно здесь, - пробор-

мотал он. – Высшие формы, очень высокие технологии, гигантские, древние знания и возможности. Её исчезновению удивляться совсем не стоит: видимо они, эти геронийцы, уже научились передвигаться мгновенно и на любое расстояние. Интересно, придёт она завтра сюда? А вообще, кто я такой? Да и зачем я ей? Хотя щенок тоже кому-то нужен, и его ведь не спрашивают и даже по-настоящему любят…

*****

Домой Виктор пришёл уже в сумерках, и, улёгшись в постель, долго не мог уснуть, удивительная встреча не давала ему покоя, образ прекрасной девушки маячил перед внутренним взором. Заснул только к полуночи и будто провалился в преисподнюю, ему снились бегущие красные диски чужих солнц, какие-то красноватые, фантастические пейзажи, звенящая листва медных деревьев, моря с красновато-зелёными волнами, медленно набегающими на берег с красноватым, крупным песком.

Проснувшись, он опять вспомнил о неземной девушке. Мать за завтраком поглядывала на сына с любопытством, а он, погружённый в думы, не замечал этого, что-то машинально ел, что-то пил, а в мыслях был где-то далеко. Наконец определённая мысль пришла в голову – надо навестить школьного друга, Николая Гюмюшлю, он, всё-таки, астроном, а вернее, астрофизик, с крепкой профессиональной подготовкой и сможет ответить на интересующие Виктора вопросы, а их с вечера и ночи накопилось немало.

Семейство Гюмюшлю жило в своём доме в частном секторе города. Дом был большой, двухэтажный и даже с угловой башней, где Николай устроил небольшую обсерваторию с малым зеркальным телескопом, компьютером и аппаратом для автоматической фотосъёмки звёзд и туманностей.

Бывшего одноклассника Виктор застал во дворе. Николай, раздевшись до пояса, колол дрова, он делал это легко, словно всю жизнь только и занимался тем, что заготовлял дрова на зиму. Он, ловко выхватывал берёзовые чурки из общей кучи уже напиленных, ставил на колоду и, чик-чик, раскалывал её на четыре полена.

- Не понял! – начал Виктор. – У тебя же дом обогревается спецкотлом на соляре!

Николай взглянул на пришельца, воткнул топор в колоду, пожал протянутую руку, после чего ответил:

- Так у меня же ещё и баня есть, а для неё лучше всего подходят берёзовые дрова. Ты что, забыл? Ладно, пошли в дом, выпьем по чашке кофе. А можно что-нибудь и покрепче.

- Да нет, нет, дружище, мне не до того! – бросил чем-то озабоченный Виктор.

- А чего такого? Год ведь не виделись! – заметил хозяин, дружески улыбаясь.

- Да мне, честно говоря, просто не до выпивок, Коля! – задумчиво произнёс Виктор. – У меня проблема и как раз по твоей профессии. Что ты знаешь о звезде Барнарда?

- Вот даже как!? – удивился хозяин. – Странно, почему именно эта звезда заинтересовала человека, специальность которого рыться в земле, добывая артефакты о прошлой жизни.

- Ну, ты что-нибудь знаешь о ней? – переспросил Виктор.

Николай, присев на колоду, закурил сигарету и, пыхнув клубом дыма, более внимательно посмотрел на своего друга.

- Зна-аешь, - повторил он, - ещё бы! Да звезду Барнарда, как ближайшую к Солнечной системе, изучает весь астрономический мир, друг мой! И даже не потому, что она расположена близко к Земле, всего-то полтора парсека, но на ночном небе её не увидишь без хорошего инструмента. Это красный карлик массой всего семнадцать процентов от массы солнца. Считается звездой переменной из-за частых вспышек, но этот карлик старый, ему, примерно, девять миллиардов лет, а потому он более уравновешенный, спокойный, стабильный, вспышки у него мелкие, как у слабокипящего супа, пятен около сорока процентов поверхности, температура верхнего слоя звезды три и две десятых тысячи градусов по Цельсию. Размером этот карлик чуть больше нашего Юпитера. Представил?

- Это что такая крохотулька? – удивился Виктор. – Неужели это звезда? По сравнению с нашим солнцем - это же какой-то пигмей? А ведь наша звезда – это тоже карлик, только жёлтый, насколько мне известно. И тот же Юпитер на, скажем, метровом фоне нашего гигантского светила выглядит

маленьким кружочком, а Земля вообще - точка.

- А ты не удивляйся, Витя! – заговорил астроном. – На фоне, как ты сказал, метрового диаметра нашего солнца, звезда Барнарда будет выглядеть как гандбольный мяч, ну, может, чуть меньше. Знай, что красных карликов в нашей галактике гораздо больше, чем видимых звёзд, и они появились во Вселенной раньше, чем такие звёзды как наше солнце. Возраст у красных карликов от девяти до тринадцати миллиардов лет, они очень старые. Звезду в созвездии Змееносца, которая тебя так заинтересовала, открыл в начале двадцатого века, а точнее в 1916-м году, выдающийся американский астроном Эдвард Эмерсон Барнард. От Солнечной системы этот карлик, как я уже говорил, находится в полутора парсеках, -- это около шести световых лет, то-есть довольно близко, но должен тебе сказать, что хотя эту звезду изучают многие астрономы, но полной ясности пока о ней нет. Очень уж загадочная звезда, да и маленькая она, миниатюрная, изящная, говорю же, размером чуть больше Юпитера.

- Планеты там есть!? Жизнь там возможна, Коля? – нетерпеливо выпалил Виктор.

- О, куда загнул? – поднял брови Николай. – Вот так, навскидку, я тебе сейчас сказать не могу. Пошли в мою обсерваторию, посмотрим расчёты, схемы, карты.

Друзья вошли в дом и по винтовой лесенке поднялись в угловую башню, которую Николай построил сам и приспособил верхнюю её часть под обсерваторию. Центральную

часть круглой комнатки, которая, видимо, могла вращаться по направляющему уголку при помощи электродвигателя, занимал малый зеркальный телескоп на солидном, металлическом станке с механизмом управления. Крыша этой домашней обсерватории прозрачная, сферическая, смонтирована из листов вогнутого плексигласа и часть его могла раздвигаться вручную, открывая наблюдателю нужный участок звёздного неба. Возле небольшого окна был узкий длинный стол, заваленный какими-то бумагами с расчётами, фотографиями звёздных скоплений и схемами. Тут же был ноутбук и настольная лампа. Николай усадил друга на вращающийся табурет, сам уселся на такой же и, поворошив бумаги на столе, нашёл что нужно.

- Ну, вот звезда Барнарда, - деловито заговорил он, - спектрального класса М4 ОУС, расстояние от Земли 1,6 парсека, 5,9 световых лет, видимая звёздная величина 9, 57 М, светимость 1,23 от солнечной, масса – 17% от массы солнца, радиус – 20% от радиуса солнца, осевой период вращения – 130 дней, возраст от 7 до 13 миллиардов лет, астрономы предполагают – девять. Температура на поверхности – 3,2 тысячи градусов, активность ядерная – пятна занимают сорок процентов поверхности, ритмичные вспышки, ядерные реакции идут вяло, с точки зрения физиков-ядерщиков предсказуемо. Теоретически в очень узкой, обитаемой полосе звезды и орбиты планеты, если она есть, жизнь вполне возможна.

- Вот я и спрашиваю, планеты, жизнь может там быть? –

нетерпеливо воскликнул Виктор.

Николай вскинул на друга насмешливые глаза.

- Куды торопишься, милай! – притворно запел он. – Есть там три мелких, каменистых планетки, но они очень близко к звезде и жизнь на них невозможна, потому что нет и не может быть воды из-за близости к своему, хоть и не очень горячему, светилу. Период обращения этих мелких планеток вокруг звезды от трёх до шести суток, они несутся как голодные, бешенные псы на забор, почуяв прохожего.

Виктор как-то сразу сник, а Николай, заметив настроение друга, принялся рассуждать:

- Ну ты сам подумай, друг мой! Для того, чтобы зародилась жизнь на планете в обитаемой зоне звезды, необходимы шестьдесят физических констант, мы пока изучили сорок, но очень важных, фундаментальных. Если не будет хотя бы одной, ни о какой жизни не может быть и речи. Такое совпадение – один на миллиард, или даже ещё больше.

- Значит мы на Земле одиноки во Вселенной? – уныло спросил Виктор.

- Считай, что так! – безаппеляционно заявил астроном. - Земля с её жизнью – это совершенное, исключительное явление природы и космоса. Можно сказать, что Землю, да и саму Солнечную систему вцелом, создал некто очень могущественный ради какого-то эксперимента. Шестьдесят констант и все сосредоточены здесь, на Земле. Ну, например, такая константа как содержание кислорода в атмосфере –

вот двадцать один процент и нельзя ни меньше, ни больше. Или вот тоже константа: у планеты обязательно должно быть магнитное поле, иначе атмосферу сожрёт солнечный ветер, а солнечная радиация выжжет всё живое на планете. Вода на планете должна быть в жидком состоянии и её должно быть минимально сорок процентов, лучше пятьдесят и больше, и это тоже необходимая константа, или, например, такая константа как углеродный обмен, без него жизнь также невозможна.

- Я знаю, - вставил слово Виктор. – Обязательный углеродный цикл, при нарушении которого вода испарится, на планете наступит тепловой перегрев, полное опустынивание и любой жизни кирдык, даже большинство бактерий не сможет выжить при температуре свыше ста градусов по Цельсию.

- Ну вот, сам видишь, Витя! – подхватил Николай. – Шестьдесят, главное сорок констант, и все сбалансированы Создателем мира. Такое тонкое совмещение даже учёным представляется чудом. Ну невозможно такое собрание, а оно есть! Это чрезвычайно редки, исключительный случай! Поверить в такое грамотному человеку просто страшно, а малограмотные, которых подавляющее большинство на планете Земля, этого феномена просто не понимают, ума не хватает, да они этого просто не знают. Я понятно излагаю?

- Да мне-то понятно! – согласился гость.

- Как ни странно, но даже теоретически невозможно, что-

бы слепая природа, долгим путём проб и ошибок, смогла бы собрать воедино такое количество жизненно необходимых констант! – продолжил, удивлённо поедая собеседника глазами, Николай. -- Получается, ЧТО ТАК БЫТЬ НЕ ДОЛЖНО, жизнь на нашей планете создана вопреки суровым, физическим законам космоса, а потому, дорогой мой человек, мы, человеки, абсолютно одиноки в этой огромной Мультивселенной. Люди малограмотные о принципе жизни, о сложных условиях её возникновения, ничего не знают, не понимают и не задумываются, живут бездумно, планету только портят, они же не внемлют, бестолочи, что стоит им, по-глупости, по своей непроходимой тупости, сломать всего лишь одну константу из сорока и произойдёт «эффект домино» - жизнь на Земле прекратится почти мгновенно и безвозвратно.

- Насколько мне известно, - заговорил Виктор, - на сегодняшний день учёными всего мира изучено и описано сорок вполне устойчивых констант, а ещё, примерно, двадцать находятся в стадии изучения и экспериментов?

- Абсолютно верно, Прощаев! – поддержал друга астрофизик. – Странная, однако, у тебя фамилия, Виктор.

- Ты на себя обрати внимание! – усмехнулся гость. – Гюмюшлю – чёрт знает что такое! Где только такую фамилию в вашем роду откопали?

- Хорошо хоть не Кошкоедов, Витя! – ответил Николай. -- Иль того лучше, Сукинсын! Помнишь в школе был такой?

Постоянно дрался, чуть кто не так скажет – сразу в морду. А вообще, не знаю откуда у нас эта фамилия! Как-то всё некогда было заняться своей генеалогией, вроде как там присутствуют тюркские корни. Учти, Витя, русская, плавильная, этнографическая печь культуры за века переплавила всё, что в неё попало, и этот процесс продолжается. Жизнь -- штука гибкая, изменчивая, с парадоксами, всех констант до конца мы ещё не знаем, но двигаемся, судя по научным достижениям, как будто бы в верном направлении.

Друзья помолчали, думая каждый о чём-то своём, но вот гостя, вдруг, прорвало:

- А вот если я тебе скажу, друг мой, - пафосно заговорил Виктор, - что хомо сапиенса, человека современной формации, на нашу планету, на Землю, некие сверхцивилизации перебросили пятьдесят тысяч лет назад, я имею ввиду кроманьонца?

- Понимаю! – с живостью откликнулся астроном. – Я охотно допускаю мысль, что человека разумного некие высшие силы вполне могли создать здесь, непосредственно на Земле. Мало того, я даже могу предположить, что человека от питекантропа, неандертальца к кроманьонцу создали на Земле другие люди, уже обладающие высочайшими технологиями, но с другой планеты, другой звезды, хотя это очень уж проблематично.

- Но тогда твоё рассуждение о нашем одиночестве во вселенной рушится! – заметил Виктор.

- Я в этом случае рассуждаю так, друг мой, - заговорил Николай, - человечество одиноко, но я подразумеваю и допускаю, что оно зародилось не на Земле, оно переселилось или лучше сказать его расселили на Землю в далёком от нашего времени прошлом. Очень уж всё зыбко, да и память о тех временах не закреплена.

- Тогда в другой звёздной системе, - принялся полемизировать Виктор, - на другой планете, создались все условия для рождения высокоорганизованной материи и того самого количества констант, о которых мы только что говорили, а стало быть планета Земля со своими особыми, физическими условиями уже не единственный живой объект во вселенной и константы эти могли создать искусственно другие люди.

- Ишь ты, куда подвёл! – заулыбался астроном. – А я скажу тебе так, вернее можно предположить: то количество необходимых физических условий, констант, Создатель устроил на планете другой звёздной системы где-то недалеко, в нашей галактике. Человечество там со временем развилось до реальности высочайших технологий и было перенесено сюда, в Солнечную систему, в жизненный пояс, на Землю. Я хочу сказать, что в свою очередь те люди нашу планету переоборудовали, добавили необходимых констант и заселили своими людьми, но человечество всё же одно, оно, повторяю, в какой-то миг могло зародиться где-то, в космосе, возможно, недалеко и просто шагает по вселенной, ну или начало шагать.

- А если я тебе скажу, Коля, что человечество зародилось на планете звезды Барнарда! – выпалил, вдруг, Виктор. – И обитатели красного карлика наши прародители, и это они взяли и перенесли себе подобных на Землю!

Николай Гюмюшлю не был бы учёным, если бы просто согласился.

- Хм, обоснуй! – тут же бросил он. – Нечего тут фантазировать!

Историк как-то изучающе посмотрел на друга.

- Да вот есть возле красного карлика планета со всеми полагающимися для высшей жизни физическими константами! – с вызовом ответил он. -- Тамошней человеческой цивилизации восемьдесят миллионов лет, и это они немного переоборудовали Землю, добавили необходимые для высшей жизни константы, а потом нам, землянам, прислали нужные сельскохозяйственные культуры: кукурузу, пшеницу, ячмень, просо, рис, томаты, картошку и так далее, различные плодовые деревья и тогда уж человечество, благодаря вот таким вливаниям, начало расти и развиваться здесь, на Земле.

- Да ты хоть сам-то понимаешь, археолог, земной червь, - повысил голос астрофизик, - что периодические вспышки на красных карликах порождают на несколько минут сильнейшее ультрафиолетовое и рентгеновское излучение, которые съедают атмосферу планеты и убивают даже примитивную жизнь, например, бактерии?

- Понимаю! – быстро согласился Виктор. - Но атмосферу на планете, кроме мощного магнитного поля, поддерживает и вулканическая деятельность, а альфа и бета-частицы излучений жёлтых карликов, средних по массе звёзд, как правило, крупные и задерживаются, поглощаются толстой атмосферой планеты, ну, а всепроникающих гамма-излучений там уже не может быть. Ты же сам говорил, что звезда Барнарда старая, ядерные реакции там стали настолько вялыми, что вспышки стали небольшими и перестали быть губительными для жизни, И ОНА, ЖИЗНЬ ЭТА ХРУПКАЯ, СМОГЛА ТАМ РАЗВИТЬСЯ, ПРИСПОСОБИТЬСЯ.

- Удивительный однако вывод! – спокойно заметил астроном. - Звезду Барнарда астрономы прощупали вдоль и поперёк.

- Плохо щупали! – не сдавался Виктор. - Да и инструментарий у земных исследователей на сегодняшний день всё ещё примитивен. Видимо, там есть планета размером с наш Марс и её орбита лежит в другой плоскости, чем те малые планетки, про которые ты мне упоминал. И эта планета расположена в обитаемой зоне своего светила, где Создатель собрал воедино все сорок необходимых физических констант и породил высшую жизнь. Люди с той планеты старше нас значительно, за восемьдесят миллионов лет своей истории накопили великие знания и обладают высочайшими технологиями, а потому и породили нас, здесь на Земле. Может, они давно сделали для себя из планеты Земля запасной «аэро-

дром».

- Вот ведь упрямец какой! Доказательства где? – не сдавался астрофизик. – Это всё гипотезы! Звезда Барнарда не совсем подходящее место для зарождения высшей, разумной жизни. Солнечная система для этого подходит гораздо лучше.

- А я убеждён и считаю, что Землю кто-то приспособил для жизни! – не сдавался Виктор. -- Вон Марс, наш близкий сосед, от столкновения с каким-то космическим телом, потерял своё магнитное поле, очень важную константу, ну и, соответственно, потерял атмосферу, ещё одну константу, а наша соседка Венера, наоборот, имеет магнитное поле и толстую атмосферную шубу, но жизнь на ней невозможна из-за теплового эффекта, потому что у неё нарушен углеродный цикл, а потому нет воды и сильно возросла температура поверхности, ещё бы, коли, на поверхности планеты озёра расплавленного свинца. А ведь обе планеты, Марс и Венеру, можно приспособить для высшей жизни, они же в обитаемой зоне, нужно только добавить необходимые константы: на Марс вернуть магнитное поле, а горячую Венеру можно охладить, возродить углеродный обмен. Обе планеты сразу станут обитаемы для людей. Да вот только высокими технологиями мы не владеем.

- Для создания всех необходимых констант, друг мой, нужны гигантские энергетические затраты, - заметил Николай. – да ещё хорошо знать как эти энергии применить на

Марсе и Венере. Мы пока этого не знаем и не в силах орудовать такими массами и объёмами.

- На Земле накоплено громадное количество ядерных зарядов, друг мой, - уточнил Виктор. – Вот она, энергия!

- Что ты всё фантазируешь, Витя? – возвысил голос астрофизик. – Кроме ядерных зарядов, что скопились на Земле, ещё большие знания нужны, да и мало этих зарядов! Как построить жизненно важную константу на другой планете, нашего коллективного ума мало. Болтаешь тут, несёшь всякую ахинею, - вот и обитаемую планету в системе звезды Барнарда нашёл! Где, говорю, весомые доказательства?

Историк Прощаев, собираясь уходить домой, медленно поднялся со своего табурета и как-то проницательно, с лёгкой усмешкой, посмотрел на своего друга.

- Ну, погоди, Колян! – загадочно бросил он. - Предоставлю я тебе веские доказательства! – Смотри, не упади только, знаток звёзд и космоса!

Глава 2. ЖИЗНЬ – ШТУКА ИЗМЕНЧИВАЯ

Хозяин одного из коттеджей по улице Достоевского, двадцать семь, некто Вячеслав Сергеевич Доброхотов, считался крупным предпринимателем в городе. Всё-таки, многие автомобильные заправки в городе и на ближних участках автомобильной трассы М-5 были в его руках, а ещё обширное строительство спальных микрорайонов в Энске приносило немалый доход. Но вёл он себя на людях скромно, старался не выпячиваться, мудро считая, чем меньше о тебе знают, тем легче большие деньги делать.

Деловой стратегии Доброхотова следовали некоторые предприниматели в городе и она себя оправдывала -- город внешне жил спокойной, размеренной жизнью, но так поступали далеко не все, некоторым хотелось показать себя на пьедестале богатства, мол, вот как надо жить. Естественно такое поведение одних вызывало зависть других, но, главное, к таким богачам присматривался криминальный мир.

С некоторых пор, а лучше сказать с давних пор, предприниматель Доброхотов стал принимать у себя по пятницам любителей перекинуться в преферанс и покер. Клиентура у него сложилась устойчивая, люди меж собой хорошо знакомые и не какие-то там нищие учителя или врачи, а лица со-

стоятельные, такие же предприниматели как и хозяин, а ещё чиновники с высокими государственными окладами и широкими возможностями получать знатные «откаты» и взятки. А ещё к Доброхотову полюбили и привыкли заглядывать люди из правоохранительных органов: городской прокуратуры, ну и лица из городской администрации. Собравшиеся, естественно, играли на интерес и по-крупному. Надо сказать, что карточные игры официально не поощрялись, а потому, все кто собирался у бизнесмена Доброхотова своё увлечение не афишировали, а, наоборот, во избежание разных там трений по службе, скрывали свои вечерне-ночные, карточные тоновища.

В один из летних, июльских вечеров, в пятницу, к Доброхотову пришли трое завсегдатаев: заместитель городского прокурора Игорь Шевченко, пластический хирург Леонид Занозин и начальник отдела по контролю и развитию коммунального хозяйства города Пётр Иванович Мандрыка. Любители карточный игр приходили, или приезжали, чётко к определённому часу. Ужинов у Доброхотова никаких не назначалось и в угловой комнате первого этажа большого дома, с видом в сад, вовсю кипели карточно-денежные страсти. В комнате с двумя зашторенными окнами кроме двух игральных столов посреди помещения, возле противоположной от окон стены притулился малый столик с квадратной бутылкой дорогого коньяка с кружками нарезанного лимона на блюдце и стайкой рюмок рядом; любой мог подойти и подкрепиться.

Пока Пётр Мандрыка, сидя за квадратным, голым столом, чертил на листе бумаги «пулю» для преферанса, Доброхотов, покуривая сигарету, задал прокурору Шевченко каверзный вопрос:

- Слушай, прокуратура! Вот криминальный случай недавно в городском суде разбирали. Один уникум из детдомовцев ухайдакал двух скотов, другого слова ей-Богу подобрать не могу, и ему судья прилепил пятнадцать лет отсидки в зоне строгого режима, да ещё считается, что приговор мягкий. На наш дилетантский взгляд этот парень поступил исключительно правильно: ведь жертвами были фельдшер скорой помощи, который ставил смертельный укол одиноким старикам, на которых указывал ещё один козёл из юридической конторы по оформлению наследства. Одиноких старых хрычей они уничтожали и криминальными квартирами торговали, и вот получилось так, что эти два гада уничтожили старую воспитательницу того детдомовца, которую он считал своей матерью. Парню этому медаль «За отвагу» надо на грудь вешать, а вы, юристы поганые, его, в тюрягу! Вы что творите-то, пидоры? У вас ведь вместо головы-то задница! Нашли бы, мать вашу, этому парню какое-нибудь оправдание, дали бы условное наказание, да мало ли у вас крючков. Вот, когда дело касается какого-нибудь высокого чиновника, который миллиарды государственных средств присвоил, так ведь и «дело на тормозах» спустите и вместо расстрела этому чиновнику лет пять условно дадите…

Доброхотов выпустил струю дыма в потолок и резюмировал:

- Ну и как это понимать нам, простому народу, Игорь? Вон в Сингапуре президент Ли Куанг Ю, как сейчас помню этого мудрого мужа, всех своих друзей и даже своих родственников, занимавших правительственные кресла, пересажал на большие сроки в тюрьмы, и в Сингапуре экономика, деловая жизнь и благосостояние граждан тут же взлетели до небес. Законы у нас должны быть продуманными, грамотными и жёсткими, прежде всего по отношению к этой сволочи, чиновникам разного ранга – вот тогда порядок будет в стране.

За время этого горячего монолога Доброхотова прокурорский работник Игорь Шевченко, тоже покуривая дорогую сигарету, покровительственно и снисходительно улыбался.

- Это не ко мне, Вячеслав Сергеевич! – равнодушно ответил он, наконец, – Это к законодателю! Мы здесь всего лишь исполняем закон. Как сказано у римлян: «Дура лекс, зет лекс! Закон есть закон!», а ещё: «Эрраре хуманум эст! Человеку свойственно ошибаться!». Но никому, слышишь, никому не дано право отнимать жизнь у другого, пусть и преступника. Так что обращайся со своим мнением в Государственную Думу, господин Доброхотов.

- Не я, господин прокурор, - тут же «встал на дыбы» хозяин кабинета, - не я должен обращаться к эти, чёртовым законодателям с подобными замечаниями и поправками, а ты, юрист по образованию и призванию, правовед, крючкотвор!

Кто как не ты сделаешь запрос в Думу юридически грамотным?

- Да толку-то от моих запросов? – не повышая голоса, ответил юрист. – Хорошо, если получишь какой-нибудь обтекаемый, безликий ответ, а то вообще оскорбительно промолчат – это ж Расея.

- А ты хоть пробовал, Игорь? – заметил пластический хирург Занозин, иронично улыбаясь.

- Вот нравится мне Средневековье, - заговорил опять Доброхотов. – В те времена был настоящий гуманизм: за подобные проступки рубили руки и головы бесцеремонно, не считаясь с социальным положением. Наши далёкие прадеды не зря говорили: «Худую траву из поля вон!» и уничтожали всяких прохвостов и явных преступников безжалостно, а сейчас даже жёсткое, прямое слово в лоб нельзя сказать какому-нибудь скоту, вдруг, обидится, да в суд подаст, а судья всё же человек, да ещё и придурок какой-нибудь, вертит законами, как ему заблагорассудится. Мягкое, вежливое обхождение с разной человечьей сволочью называют гуманизмом, слово это стало уже ругательным, потому что исказился весь его изначальный смысл. А я считаю настоящий гуманизм – это когда поступают с грешником жёстко: вешают, наказывают кнутом, рубят головы как в Саудовской Аравии. Пожалуй, слово гуманность больше подходит, когда провинившегося расстреливают, а у нас мораторий на расстрел алкаш Ельцин ввёл, всё к Европе подлизывался, Россию только своим

видом пьяным позорил. Вот мы всё на Европу эту поганую оглядываемся, а она нас хулит всячески, очерняет, лживыми обвинениями обкладывает, русофобия сейчас в Европе просто зверская…

- Господа! Ну вы будете играть? – подал голос Пётр Мандрыка. – Я уже пулю расписал!

Все четверо расселись по сторонам квадратного стола и с головой окунулись в игру. Слышались только короткие фразы и отдельные слова типа: «… Я пас! Беру прикуп! Пошла масть! Был бы прикуп – жил бы в Сочи! Так, господа, ложимся!». Но вот пришлось прерваться, пришло ещё трое гостей из областного министерства торговли, которые, коротко поздоровавшись, молча уселись за соседний стол и принялись играть в покер. Игра за обоими столами шла сосредоточенно, деловито шуршали денежные купюры, росли банки и аппетиты игроков. Чтобы внимание не отвлекалось, свет в комнате был оборудован специально: два непрозрачных абажура с электролампами висели над столами и освещали только их, остальное пространство комнаты тонуло во мраке. Время подошло уже к полуночи, но игра была в самом разгаре, страсти человеческие кипели как в электросамоваре, который забыли выключить

Ни гости, ни хозяин не заметили как в комнате оказалось ещё трое, и возникли они из ниоткуда, воплотились из застоявшегося воздуха. Правда, эти непрошенные гости были одеты в камуфляжную военную форму, а физиономии их бы-

ли защищены стилизованными масками цирковых клоунов, на головах чёрные, трикотажные шапочки, на ногах, а их вообще никто не видел, солдатские ботинки, на которых было натянуто несколько слоёв медицинских бахил, руки же гостей обтянуты белыми медицинскими перчатками, словно эти хирурги собрались препарировать несчастных игроков И вот один из этих хирургов, в правой руке которого зловеще чернел пистолет с глушителем, тихо и вкрадчиво заговорил:

- Банки ваши выросли, господа воры и корыстолюбцы! Прекрасно! Но как вы знаете, Бог велел делиться своим богатством с ближними. Прошу на столы всю наличность, банковские карты и мобильные телефоны. В противном случае все тут ляжете, а оно вам надо? В магазине у меня вот как раз семь богов, на всех хватит.

Хозяин Доброхотов первым поспешно стал выкладывать из карманов на стол всё, что было велено выложить. Игроки тут же последовали его примеру. Двое подручных в камуфляже быстро собрали и покидали в холщёвую сумку ворох денежных купюр, банковских карт и мобильников. Доброхотов, всё-таки, решился прервать гнетущее молчание:

- Банковские карты-то, господа налётчики, вам не обналичить без пин-кодов!

- А это уж не твоя забота, Вячеслав Сергеевич! – спокойно заметил тот, что был с пистолетом. – Прощевайте пока и продолжайте свою игру. На щелбаны! Тоже ведь неплохо! Ха-ха-ха! Благодарю за внимание!

После этой издевательской фразы непрошенные гости исчезли также незаметно как и появились, а игроки растерянно смотрели друг на друга коровьими глазами и не понимали радоваться им, что живы остались или горевать о потерянных доходах и выигрышах. Наконец, у прокурора Шевченко прорезался голос:

- Ну, я этого так не оставлю! Накручу хвоста полицейским! Пусть ищут! Давай, Пётр Иванович, пиши заявление! Поднимай шум! Я поддержу.

На что сотрудник городской мэрии Пётр Мандрыка, очнувшись, замахал на прокурора обеими руками с нервным возгласом:

- Какой шум? Какой в нашем деле может быть шум? - возопил чиновник. - Ты в своём уме, Игорь Петрович? Я - шум, а полицейские начнут вопросы задавать идиотские, откуда, мол, у тебя при фиксированной зарплате такие деньжищи? А я, как последний попка-дурак, буду им говорить, что взяток много беру за разные там услуги добрым людям. Так что ли?

- Ну, чего ты пугаешь? – зло бросил прокурор.

- Не пугаю, а показываю перспективу! – злобно огрызнулся Мандрыка. – Остолопы! У вас у всех рыло-то в пушку, и вопросы полицейских чинов нам совсем не нужны.

- Собаки-то почему у тебя молчали, господин Доброхотов? – спросил, вдруг, пластический хирург. – Почему не загавкали?

Хозяин дома тупо посмотрел на Занозина, мысли его были где-то далеко, поэтому с ответом он замешкался.

- Да собак эти скоты-налётчики наверняка усыпили! – пояснил прокурор. – Я этот воровской приём знаю!

- Ну вот зачем мне эта слава ограбленного? – наконец, раздражённо подал голос хозяин Доброхотов. - У меня же деловые связи нарушатся, со мной, с таким вот долбодуром, никто дела иметь не захочет! Я же сейчас свой статус делового человека потерял! Ну кто я такой после всего этого? Баран, которому рога поотшибали и на посмешище выставили. Молчать надо как рыба! Боже упаси сор из избы выносить! Слышите? Это я, Доброхотов, вам говорю, господа хорошие! Налётчики эти тем более молчать будут, им-то афишировать себя нельзя – вот и мы промолчим, никто и знать не будет. Всё будет шито-крыто и полный порядок…

После этого монолога наступила гнетущая тишина, все униженные, молча, переваривали сказанное хозяином дома, в ошарашенных головах игроков вяло копошились спутанные мысли.

- Так ведь миллионы же с наших счетов уплывут! – подал дрожащий голос пластический хирург Занозин. – Если б эти налётчики взяли у нас только наличность, так и чёрт бы с ней, а то ведь счета в банках переоформят и ищи потом свои деньги. Мы даже заблокировать эти счета не успеем, потому как они уже наверняка начали действовать, а мобильники-то эти ухари у нас отняли.

И опять все тупо уставились на этот раз на хирурга, мысли, словно земляные черви, заворочались в головах, создавая нерадостную перспективу.

- Я тоже на фиксированной зарплате сижу! – мрачно бросил прокурор.

Вот уж лучше бы он этого не говорил, а то этой фразой только завёл чиновника городской мэрии. Ему край надо было сбросить на кого-нибудь свой негативный балласт.

- Сидит он! – раздражение охватило экспансивного Пётра Мандрыку. – Да твоя прокурорская зарплата в десять раз выше моей! Детей у тебя нет, семьи нет! Одна сожительница, да и та на пятнадцать лет тебя моложе, взял ты её из медсестёр и запросов у неё, якобы, нет. Это пока нет! Погоди, Игорь, -- вот состаришься скоро, писька у тебя работать не сможет а твоя Настя как раз в самую половую силу войдёт и, что тогда? Всё, приехали! Любовников сожительницы кормить будешь на свою высокую зарплату.

Сбросив свой негатив на друга, Пётр Иванович откинулся на спинку стула, но раздражение не угасло, а только ещё больше стало его душить. Он злобно посматривал на игроков, которые в этот раз дружно, все скопом, проигрались вчистую, и не знал на кого бы ещё накатить. Смотрел на них исподлобья, словно сыч в дупле, словно все они были виноваты в том, что его, да и их тоже, так ловко, а главное, совершенно безнаказанно ощипали как тех кур, что повар приготовил на жаркое гостям.

- Она сама на свои личные нужды зарабатывает! – огрызнулся, между тем, уязвлённый прокурор. – И вообще она рада уже тому, что я её каждое лето на юга, на море тёплое вожу. Питание, квартплату, рестораны и всё остальное я же оплачиваю.

- Дурень ты! – буйствовал и грубил Мандрыка. – Скоро ты перестанешь её удовлетворять и никакие деньги тебе не помогут! Физиологию-то никуда ведь не денешь. Потерять тебе её будет жаль и будешь ты, горемыка, затыкать деньгами все её прихоти, история всем известная, она из тебя, чучела огородного, верёвки вить будет, кровь она из тебя будет пить! Ха-ха-ха! – нервно закончил он свою тираду.

Прокурор понимал всю горькую правду, сказанную в сердцах чиновником городской мэрии и возразить ему на эту грубость, друг всё-таки, было нечем, на него навалилось какое-то отупение и полное опустошение.

- Чёрт с ними, с деньгами! – рычал, между тем, обозлённый и взбешённый донельзя энергичный предприниматель Доброхотов. – Да я уже через день восстановлю все свои сегодняшние потери, да и вы тоже. Только вы, может быть, несколько позже. Но пусть лучше так, чем подмоченная репутация из-за вашего, дурацкого шума. Молчать и всё тут! Никаких шумов, и никакой полиции! Запрещаю поднимать вообще какой-либо шум, господа хорошие! Молчать! Категорически настаиваю на этом! А не то я вам самолично бошки ваши козлиные поотворачиваю…

Взрыв человеческих страстей обнажил один из изломов общества. Обескураженные, опустошённые морально и физически знатные люди города, долго не могли придти в себя, смотрели друг на друга пустыми зенками и не знали что предпринять. Наконец, прокурорский работник, повернув голову к Доброхотову, язвительно выдавил из себя:

- Ну что, Вячеслав Сергеевич, вот этих налётчиков тоже к стенке надо ставить или гуманизм проявить?

Доброхотов на этот раз отреагировал мгновенно:

- А вот никаких стенок! Правильно они поступают, что у таких как вы лишнее отнимают. На то и щука в пруду, чтобы карась не дремал и лишний жир не нагуливал.

- И чего это мы растерялись-то? – подал опять голос прокурорский работник. – Их ведь всего трое было, господа, а нас семеро! Мы же могли скрутить их, а!

- Каждый за свою шкуру опасался! А ну, да продырявят! – злобно бросил Доброхотов. – У них же оружие! Всё! Нечего зря болтать! Расходитесь, господа! Ночь ведь уже! Ещё раз повторяю – молчать! Утритесь и смолчите! В нашем положении лучше пока всё равно ничего не придумаешь…

*****

А тем временем налётчики, отлично сознавая, что ни догонять, ни тем более искать их никто не будет, содрали с лиц маски и спокойным шагом, запоздавших ночью по какой-то причине людей, прошли через две улицы и вошли в один из частных домов в неприметном проулке. Это был Сергей Лап-

шин по прозвищу Простата со своими людьми. Дома взрослый, старший сын хозяина Василий тут же сел за компьютер и виртуозно, со знанием дела, выявил пароли во всех счетах отнятых банковских карт и тут же мастерски перевёл десятки миллионов долларов и евро на счета других людей, которые являлись в уголовном мире так себе, подставными лицами, мелочью, сявками, то-есть лицами совершенно незначительными, ничтожными, но в данном случае нужными и специально имеющими свои счета с мелкими суммами денег.

Но и они и не подозревали, что вмиг разбогатели, стали долларовыми миллионерами. Да только недолго музыка играла, недолго фраер танцевал, все эти сявки пробыли богачами всего несколько минут, деньги с их счетов перешли дальше, уплыли «за бугор», на счета других подставных лиц в арабских эмиратах. Одним словом, опытный айтишник, старший сын местного пахана Лапшина-Простаты, Василий, прозванный Горбатым за постоянное сидение, сгорбившись, у компьютера, и, уже давно вовлечённый в криминальную жизнь авторитетным отцом, выстроил такую сложную схему увода денег, что кроме него распутать эту схему никто уже не мог, и теперь, и в будущем все подельники зависели от него.

- Ну, вот, пожалуй, теперь можно и расслабиться! – заметил Лапшин-отец, поднявшемуся из-за стола с компьютером криминальному электронному гуру. Он вынул из бара бутылку дорогого коньяка.

- Семья-то где у тебя? Не разбудим? – озаботился один из

подельников.

- Жена с младшим сыном на даче, пояснил Лапшин. – Марат у меня студент, институт строительный заканчивает, госэкзамены сдаёт – вот, чтоб ему никто не мешал на даче живёт, а мать ему еду готовит. Марат о наших делах ни сном, ни духом, да и жена моя ничего не знает о моих делах, да и не вникает.

Подельники расселись вокруг низкого столика, на который хозяин поставил сиротливую тарелку с нарезанными ломтиками лимона. Налив в короткие по высоте гранёные стаканчики по глотку коньяка, он, не чокаясь с подельниками, выпил и тут же, строго посмотрев на них, жёстко сказал:

- Денег я вам не дам, обормоты, потому как знаю – пить начнёте и по пьянке запалитесь!

Подельники немо уставились на пахана, разинув рты.

- Да ты что, Простата!? – возразил, наконец, один из подельников, из-за фамилии Дурнов прозванный Дуремаром. – Да мне за коммуналку, за квартиру уплатить надо, что опять мне по соседям занимать? Дай хоть с полсотни тысяч на хозяйственные расходы! Пьянствовать не буду, зуб даю!

- Плевать мне на твой зуб! – строго бросил Лапшин.

- А мне в детский сад, за сына надо плату внести! – заговорил второй подельник, по прозвищу Гном. – Да и жрать в доме нечего! Жена пилить ведь начнёт…

- Ладно, уговорили! – согласился, подумав, Лапшин, - По сотне тысяч на хозяйственные нужды дам! И всё! И, чтоб

никаких ресторанов и пьянок! Знаю я вас! Смотрите! Не то нарушителя прикажу в расход пустить.

- Ну, что мы сами себе враги? – бросил рассудительный Гном. – Знаем ведь, что менты будут следить за всеми, кто загулял в городе и сразу возьмут его в свою разработку.

- Ну, а знаете, так прижмите хвосты, бараны! – грубо бросил Лапшин.

- А когда оттягиваться-то будем? - поинтересовался Дурнов.

Лапшин на правах пахана опять строго окинул взглядом тощую фигуру подельника и сухо сообщил:

- Тебе, Дуремар, только бы оттягиваться! Вот через полтора месяца на югах наступит бархатный сезон – вот тогда и поедем из города на законный отдых…

- Девочек, дур приехавших к морю, там срубим! – мечтательно протянул Дурнов.

Лапшин опять обвёл строгим взглядом своих более молодых подчинённых и грубо заметил:

- Эх вы, бараны! Умные люди там, на югах, свои потребности, свою физиологию с делом совмещают, связи деловые налаживают, а не по приезжим девкам шляются! К таким дельцам девки сами прибегут, только они пошлют их куда подале, потому что своих дур, своих любовниц, с собой возят, они уже свои, проверенные купленными медиками. С неизвестными девками деловые люди вожгаться не будут, зачем им лишняя головная боль от дурной болезни. Этих, зараз-

ных дур с периферии, они вам, остолопам провинциальным, оставят, пользуйтесь, болваны, ха-ха-ха…

*****

Виктор Прощаев с большим сожалением увидел, что по закону подлости небо на следующий день затянуло серыми тучами. Он понял, что встречи с прекрасной инопланетянкой Лидией не получится. Пришлось терпеть и мучиться неизвестностью, зато на следующее утро небо подарило парню ясный день и уже вечером он был на Лысой сопке, встречал вечерний закат солнца, да вот только странной девушки, инопланетянки Лидии, так здорово похожей на знаменитую во всём мире Нефертити, не дождался. Любят некоторые девушки выкидывать подобные финты со своими парнями, подспудно или явно проверяют глубину и верность их чувств. Но в данном случае Виктор Прощаев не успел ещё толком и познакомиться-то с девушкой, да и с трудом верил, что она из другого мира, может, сочинила красивую сказку для взрослых. Возвращаясь в сумерках домой, Виктору в голову залезла вообще коварная мысль, что и не было никакой Лидии, мало ли, может, затмение какое-нибудь на него нашло, в мире ведь много чего странного и неизученного.

На следующий день он решил опять пойти к другу, астрофизику, Николаю Гюмюшлю. Вообще-то Виктор знал, что Николай, всё-таки, не какой-то там астроном-любитель, а профессионал, потому что учился на физическом факультете Московского университета, переписывался с известными,

мировыми астрономами и опубликовал несколько статей по теории межзвёздных, пылевых облаков, галактической гравитации и условий зарождения звёзд.

Был уже десятый час утра. День выдался опять же ясный, что в июле, месяце с частыми ливнями и грозами, редкость. Летнее солнце уже не просто ярко светило, а ещё и жарко грело. Медленно шагая по тротуару, Виктор задумчиво размышлял о вещах непривычных, редких, но исторически значимых. И как не крути, а вывод напрашивался сам собой: все знаковые события в истории, если отбросить закономерные сомнения и учесть феномен инопланетянки Лидии, возможно происходили на Земле под непосредственным влиянием цивилизации с планеты звезды Барнарда.

Виктор шёл, погружённый в свои мысли, прохожие обгоняли его, а встречные не обращали на него внимания. Но вот парень, почему-то, наткнулся на изящную девушку в летнем костюме из шёлка с белыми лилиями по сиреневому полю. На голове её грациозно сидела жёлто-охристая, летняя шляпа с мягкими, широкими полями, глаза закрыты чёрными очками в модной оправе, в руке она держала цветастый, японский зонтик, прячась от жарких солнечных лучей.

- Извините, пожалуйста! – машинально промямлил Виктор, отступив в сторону.

- Что, уже не узнаёшь меня, историк Виктор? – послышался мелодичный, насмешливый голос, который показался парню знакомым.

Он поймал себя на мысли, что уже слышал этот голос, и даже как будто бы недавно. Он взглянул на девушку более пристально, которая в это время приподняла переднюю полу шляпы и сняла очки, на Виктора глянуло смугловатое лицо и длинные глаза Нефертити.

- Лидия! – воскликнул он. – Вот так встреча! А я ведь вчера вечером провожал Солнце на Лысой сопке, думал и Вы…, ты придёшь.

- Меня не было в городе, Виктор! – просто объяснила небожительница. – Но сейчас я свободна и вполне могу пойти с тобой к твоему другу Николаю Гюмюшлю. Ты ведь этого хотел?

- Да! – автоматически подтвердил Виктор. – Но…

- Понимаю! Тебе трудно меня представить своему учёному другу, он ведь обязан сомневаться во всём, но ты не беспокойся, я сумею убедить его в существовании нашей древней по вашим меркам цивилизации.

Девушка взяла, как это делают все девушки мира, Виктора под ручку и они, не спеша, направились в частный сектор города. Шагая рядом с Лидией, Виктор отметил про себя как легко и изящно ступает девушка, а ведь планета Земля массивнее её родной планеты и ей, рождённой совсем в других физических условиях, пожалуй, совсем нелегко даётся приспособление к физике планеты Земля.

- Мне помогает антигравитационный компенсатор! – сказала девушка, взглянув на Виктора. – Он закреплён у меня

на поясе.

Виктор понял, что девушка читает его мысли как открытую книгу.

- Ты извини, Витя! – улыбнулась Лидия. – Я не буду больше шариться у тебя в голове. Просто я хотела, чтобы у тебя было поменьше сумбура в мозгах. Вы, земляне, не умеете ещё работать с потоками информации, она поступает вам в голову широким и мощным водопадом и вы усваиваете из него только тонкую струю, а большинство вообще ничего не усваивает.

- Я скажу больше, милая Лидия! – тут же отреагировал Виктор. – Люди, человеки, в подавляющем большинстве своём и думать-то ещё толком не умеют, действуют инстинктивно, говорят часто хаотично, неуклюже, невпопад. Нам до вас, геронийцев, как до неба! - скаламбурил он, улыбаясь.

- Понимаю! – ответила инопланетянка. – Сложность вашего существования в том, что вы не понимаете не только друг друга, но даже самих себя, а из-за недопонимания вы враждуете меж собой, но без себе подобных, за редким исключением, не сможете прожить и нескольких дней. Вас разделяют не только языки, культурные коды и пространство, а ещё расовые и идейные несоответствия. В этом парадокс вашего существования, именно такой была программа развития вашего мозга. Ваш мозг сейчас принимает только четыре-пять процентов общемирового сознания. Мы наблюдаем за развитием вашего мозга тысячи лет, но Совет Старейшин

в Институте Человековедения уже склоняется к мнению, что рост интеллекта у землян прекратился и, что получился очередной тупик. По-видимому, пришло время несколько подправить геном землянина по принципу замены неандертальца на кроманьонца, то-есть перевести земного человека в состояние МЕГА САПИЕНС – это более высокая ступень интеллекта и гораздо больший процент охвата мирового сознания мозгом. Вопрос переделки землянина пока в стадии консультаций специалистов и мне, как эксперту, предстоит на короткое время явиться в Совет для доклада по вашей стране, России.

- Это что, переправиться к своей звезде? – неосторожно спросил Виктор.

- Ты правильно понял! – улыбнулась девушка.

- Мне трудно понять, Лидия, лететь со скоростью света на свою планету и то надо шесть лет? Но я знаю, что материальный объект со скоростью света в пространстве лететь физически не может! Значит нужны десятилетия, да и на чём лететь?

- У нас другие способы передвижения в пространстве! – туманно пояснила девушка. – Тебе с твоим багажом знаний не понять. Это временная петля, разрушение реальности и стабильности Вселенной в определённой точке Пространства-времени. Я, Виктор, передвинусь на свою планету мгновенно, -- таинственно улыбнулась Лидия, -- даже тебя могу прихватить с собой на экскурсию по своей планете.

- С такой красавицей хоть на край света! – неосторожно выпалил Виктор и смутился.

- Не смущайся, Виктор! – распахнула глаза девушка, взглянув на парня. – Ты высказал своё чувство и отношение ко мне абсолютно откровенно, а это у вас, землян, бывает редко. Чаще всего вы безотчётно, автоматически лжёте друг другу, считая это откровенностью.

Виктору стало совсем неловко, он догадался, что проницательная инопланетянка знала о людях практически всё, и даже чётко могла видеть такие уголки в психическом состоянии человека, чего о свойствах своего характера и психики не ведало подавляющее большинство землян. Неловкость захватила парня так, что он не знал уже куда себя подевать. Хорошо, что дом Николая вырос перед странной парочкой молодых людей.

- Мы пришли! – сообщил Виктор, чувствуя себя подавленным.

Он нажал кнопку звонка и из переговорного устройства донеслось:

- Проходи, Виктор! И подружку свою приглашай! Поднимайтесь прямо в башню!

Когда парочка поднялась в домашнюю обсерваторию, Николай встретил парня с девушкой дружеской улыбкой. Быстро оценив внешнюю стать и красоту подружки Виктора, он, слегка качнув головой, всё же высказал своё восхищение:

- Ну, подруга у тебя, Витя, высший сорт! И где только та-

кие родятся?

- На планете звезды Барнарда! – машинально выпалил Прощаев. – Знакомься!

Сказал и опять сконфузился. Николай же, снисходительно взглянув на друга, сказал:

- В моём доме, в моей обсерватории такие шутки вполне уместны! Поздравляю, Витя! Присаживайтесь, друзья, вот на табуретки, сейчас будем пить кофе.

Девушка, протянув правую руку к хозяину дома, мило улыбнулась.

- Лидия, социолог! – просто назвалась она.

- Николай, астрофизик! – коротко отрекомендовался хозяин дома, с улыбкой приложившись сухими губами к ухоженной ручке девушки.

Убрав с маленького круглого столика какие-то бумаги с расчётами и графиками, Николай поставил на столешницу три чашки с горячим напитком и плетёную из соломки корзиночку с плитками горького шоколада. Лидия, отпив глоток напитка из своей чашки внимательно взглянула на Николая и приятным, спокойным голосом произнесла:

- Твой друг вовсе не шутил, Николай. Я действительно родилась и выросла на четвёртой планете красного карлика, которого вы называете здесь звезда Барнарда. Здесь, на Земле, я нахожусь в научной командировке, которая длится вот уже пять десятков земных лет.

Николай левой рукой машинально подёргал себя за моч-

ку уха, не ослышался ли, потом краем глаза осторожно глянул в сторону девушки. Её совершенно свежая, упругая кожа классического лица, исключительно молодой вид никак не вязался с только что произнесённой цифрой пятьдесят. Да и вообще, чего мелет тут эта красавица, хотя именно такие девушки могут себе позволить и не такое.

- Я понимаю, Лидия, - это Парадокс Ферми! Многие считают, что инопланетяне часто посещают Землю. Но должен сказать, что наши приборы не видят планеты в системе звезды Барнарда сравнимой с массой и объёмом нашего Марса, уважаемая Лидия, -- смущённо пробормотал Николай. – Жизнь, тем более высшая, едва ли возможна в системе красного карлика из-за его строптивого характера. Беспрестанные вспышки на красных карликах, как правило, съедают атмосферу на планете и испаряют воду, основу биологической жизни, углеродный цикл даже не запускается. Одним словом нужных для возникновения жизни физических констант планеты красных карликов ни получить, ни создать, не могут.

- Ваши приборы несовершенны, - спокойно возразила Лидия, - к тому же наша планета, кроме магнитного, окружена ещё искусственным силовым полем. Эго поле, используя ядерную энергию самого светила, создали ещё шестьдесят пять миллионов лет назад наши гениальные предки, а потому даже в сильный телескоп Хаббла и мощный прибор Джеймса Уэбба, что вынесены за пределы Земли вы, земля-

не, не увидите мою планету. Это сделано специально, в целях космической безопасности, хотя радиотелескоп может обнаружить некий сгусток в диапазоне радиочастотного излучения определённой волны. А потом надо учесть, что нашему светилу девять миллиардов лет, карлик постарел и умерил свой пыл, вспышки стали мелкими частыми и стабильными. Планета Герония имеет стабильную орбиту, почти идеальный круг, мощное магнитное поле, среднюю вулканическую деятельность, биологическая жизнь на планете за миллионы лет приспособилась к вспышкам на звезде и развилась. Так что последние пятьдесят миллионов лет человечество на Геронии развивалось в достаточно спокойной и ровной обстановке физически устойчивых констант. Учтите, парни, я имею в виду земные годы, у нас, на планете, другой календарь и другое летосчисление. Наши предки на заре своего существования прятались от вспышек вредного карлика под поверхностью, планета вся изрыта ходами сообщения и жилыми поясами поселений.

- Хм, возможно, -- задумчиво допустил Николай. – На Земле тоже немало подземелий и ходов, и там жили люди во времена оледенений и планетарных катаклизмов.

- Высшая жизнь возникла у нас восемьдесят миллионов лет назад. – продолжила Лидия. – Сработало уравнение Дрейка, возникла разумная жизнь и хотя у нас древнейшая цивилизация и гигантские знания, и мы создали вас на Земле, но мы до сих пор не можем точно рассчитать, кто же, всё-

таки, прилетел из соседнего рукава галактики и создал нас? На нашей планете сутки длятся двадцать часов – это полный оборот планеты вокруг своей оси, неделя - пять дней, по четыре недели в месяце, но последняя неделя – шесть дней, в году пять месяцев. Герония, наша планета, обегает своё светило по ровной круговой орбите за сто пять суток, я уже упоминала, расстояние до звезды – девятнадцать миллионов километров. У нас десятичная система счисления как и на Земле, да мы её и внедрили у вас. Дай мне лист бумаги, Николай.

Хозяин быстро выдал красавице бумагу и ручку. Пока она колдовала над листом бумаги, Николай наклонился к Виктору и прошипел:

- Ты кого мне привёл? Она же сумасшедшая.

Виктор, также наклонившись к другу, прошептал:

- По сравнению с ней – это мы сумасшедшие или умственно отсталые недотёпы.

В это время девушка набросала на листе бумаги схему и ряд расчётных цифр. Подвинув лист к хозяину дома, она посмотрела на него, а он, пробежав глазами расчёты, поднял брови и изумлённо уставился на гостью.

- Астрономы Земли, насколько мне известно, таких расчётов, милая Лидия, ещё не удосужились произвести. – пролепетал поражённый Николай. – Я смотрю, что такой грамотный расчёт может сделать только узкий специалист, астрофизик и не менее, чем доктор наук.

Хозяин дома поднялся с табурета, низко склонился перед девушкой и, разогнувшись, остался стоять, не решаясь опять сесть в присутствии столь значительного лица, авторитет такого высокого интеллекта не позволял ему это сделать. Глаза его, расширились от изумления, он тупо смотрел на инопланетянку, а ум отказывался верить глазам. Лидия, задорно улыбающаяся, всем своим внешним обликом походила на обычную, хотя и очень красивую, земную девушку лет двадцати: такую лёгкую, весёлую, спортивную, в летнем костюмчике с белыми плетёнками на ногах и тяжёлым узлом чёрных волос на голове. «Такая юная, ей даже и двадцать лет невозможно дать, -- невольно пронеслось в голове у Николая».

- Да ты успокойся, Николай! По земному времени мне округлённо двести лет! – проворковала красавица, гипнотизируя молодого хозяина дома взглядом обворожительных глаз. – А пропорционально с продолжительностью жизни и физиологией нашей расы для вас, землян, мой биологический возраст - двадцать лет. Мы, геронийцы, живём до двух тысяч лет по земным меркам и здесь нет ничего удивительного, у нас несколько другой метаболизм, другое деление стволовых клеток. Главное, вы наши родственники! Пусть и не прямые и не кровные, но мы создали вас по своему подобию и программе и сейчас вы развиваетесь самостоятельно. Мы наблюдаем за вами и имеем моральное право на корректировку вашего генома и сознания.

- Повзрослев, я чувствовал, что кто-то могущественный наблюдает за нами, -- подхватил Николай. – Мне всегда казалось, что кто-то всё видит и анализирует нашу жизнь, делает для себя и нелицеприятные для нас выводы. Мне иногда казалось, что я когда-нибудь встречу на Земле инопланетянина, и это вполне закономерно, хотя сомнения раздирали меня на части.

- За тысячелетия мы привили вам десятичную систему счисления, - продолжала Лидия, -- рассчитали земной календарь, дали вам понимание государства и права, иерархию должностей и демократическую сменяемость властных полномочий высших чиновников через прямые выборы. Всё это когда-то, очень давно было в нашей жизни, но вся подобная информация в архивах. Мы облегчили землянам жизнь тем, что переселили на вашу планету полезные и богатые урожаем разные злаки, овощи, множество фруктовых деревьев, добавили к уже имеющимся полезных животных, которые стали домашними у людей, и сейчас помогают им в личном хозяйстве. В конечном итоге мы подбросили в мировое сознание и мозги ваших учёных восприняли несколько полезных идей, но моё мнение – зря, рано. Всё идёт не так гладко как хотелось бы, интеллект ваш в общем смысле отстаёт от запросов времени и прогрессивных идей, мозг землянина не воспринимает даже двадцатой части гигантского объёма информации общемирового сознания. В частности, ваши избиратели при отсутствия объективной информации и слабо-

го интеллекта, как правило, выбирают во власть слабых законодателей и совсем никудышных исполнителей, которые, как правило, выбирают самый наихудший сценарий развития своих стран и взаимодействия с соседями.

- Странно, -- протянул Николай. – Я вот всё удивляюсь, неужели вы, обитатели красного карлика, на наш, земной взгляд, живёте так долго?

- Ничего странного тут нет, астрофизик Николай! – спокойно возразила инопланетянка. - Некоторые биологические организмы, например, здесь, на Земле, живут гораздо больше, особенно в океане. Например, некоторые виды медуз. Разве ты не знал? А тысячелетние деревья? Это ведь тоже в каком-то смысле биологические объекты.

- Если так, то мой друг, Виктор, Вам в мужья не подходит! – коряво и невпопад заговорил Николай, сознавая, что плетёт тут какую-то ахинею, но, почему-то, остановиться не мог. – В девяносто лет Виктору надо заказывать гроб с музыкой а Вы всё ещё будете выглядеть также как и сейчас – молодой, неподражаемо красивой.

- Чепуха! – коротко рассмеялась красавица. – Если Виктор полюбит меня и пожелает быть моим мужем, я подправлю ему геном и он будет жить, может быть только чуть меньше меня, но тысячу лет проживёт точно.

Николай открыл рот, чтобы что-то сказать, а что – забыл, растерялся.

Любовь – это латентная энергия вселенского чуда, - с та-

инственной улыбкой заговорила вновь небожительница. – Эта энергия пронизывает всю Вселенную, без неё жизнь невозможна, она, жизнь, без любви и не возникла бы вовсе. В начале Большого взрыва в пространстве-времени из нулевой точки появилась энергия, особая, всепроникающая, -- это энергия любви. Любовь проявляется в различных ипостасях, это ведь не только горячее чувство к противоположному полу, но, например, любовь к родным местам, к какому-то любимому дереву, к определённой местности, к цветку, к полюбившемуся животному, даже к насекомому, к вечернему закату и восходу солнца, к облакам, к состоянию природы, погоды и так далее, что я вам рассказываю, по-моему, это вы знаете и уже прочувствовали без моих пояснений…

Николай опять склонился перед удивительной девушкой.

- Я полностью с Вами согласен, небесная нимфа! – пафосно и неуклюже произнёс он, выпрямившись.

- Моя родная планета немного меньше Земли и светило наше, красный карлик, тоже маленький, и мир наш мал по сравнению с вашей Солнечной системой, -- продолжила небожительница, гипнотизируя своими выразительными глазищами астрофизика, -- наша звезда в массе своей всего семнадцать процентов от массы вашего солнца, весь наш мир, повторяю, маленький, и всё же жизнь, в том числе и высшая, разумная зародилась намного миллионов лет раньше у нас, в системе звезды Барнарда. У нас, на Геронии, одна

человеческая раса, мы всегда говорили на одном языке и у нас не было десятков государств как у вас, кроме того, на ваш взгляд, живём мы долго, но у нас слабая рождаемость, хотя мы считаем это нормой, существует институт семьи и положительные условия для её проживания. Дети у нас с рождения воспитываются государством в высокой духовности, бережному отношению друг к другу, и, соответственно, к природе. Стремление к материальному достатку в нашем обществе давно уже отсутствует за ненадобностью. Взросление на земной взгляд наступает в среднем к пятидесяти годам и переходный период длится до семидесяти лет. Самое важное в жизни – мы владеем всеми видами энергий, которые дают нам возможность и способы перемещения в пространстве и времени. Разговариваем мы между собой мысленно, но можем говорить звуками на любом мыслимом языке.

- Это поразительно! – вырвалось у Николая.

- На Земле мы пошли на создание нескольких рас с сотнями племён, культур и языков, на большую рождаемость и короткий срок жизни человека в сто лет, что в впоследствии сказалось на создании множества государств, деление на касты и по материальному признаку. Всё это очень усложнило отношения в человеческом обществе, но мы сознательно пошли на это, мы стремились значительно сократить сроки созревания и развития человеческого общества, но скоро убедились, что при таких темпах роста интеллекта, до состояния МЕГА САПИЕНС, человека эры космоса, вам просто не

дорасти.

- И что же в результате? – заинтересовался астрофизик.

- Эксперимент ещё не закончен, но мы столкнулись с определёнными трудностями, -- снова заговорила Лидия. – Мы дали землянам пытливый ум, но, как оказалось, не все, а только отдельные лица рождаются с ним.

- А остальные? – вырвалось у Виктора.

- Подавляющее большинство людей на Земле, вы уж не обижайтесь, парни, остаются условно-разумными, на уровне обслуживания самого себя, – пояснила Лидия. -- Мы дали вам великую духовность, но ей воспользовалось меньше двадцати процентов землян и человечество на Земле разделилось, и в настоящее время находится в непримиримой вражде между собой, умственно-ущербные стараются компенсировать свою бездуховность карьерным ростом, деловыми связями с себе подобными, высоким материальным достатком и всяческим ущемлением людей высокодуховных. Всё идёт к тому, ребята, что с ростом технологических возможностей как бы сами земляне не уничтожили собственный дом, планету Земля. Ваши учёные изобрели такой дешовый материал как пластик и вы загадили свой дом, планету. Как утилизировать этот пластик не знаете и утонете в нём. А ещё вы также бездумно загадили околоземное пространство отработавшими спутниками и ступенями ракет, и этот летающий мусор задушит вас раньше, чем вы научитесь его убрать с орбит планеты. Вот вы знаете, что для уничто-

жения жизни на планете Земля достаточно разрушить одну из планетарных констант.

- Как же вы намерены поступить с человечеством на Земле? – насторожился Николай, да и Виктор напрягся, ожидая тяжкого приговора.

- Люди на Земле имеют пока что слабый интеллект, - продолжила Лидия, - и плохо владеют информацией, они не могут всеобъемлюще её воспринимать и быстро обрабатывать, а потому выбирают себе таких глупых правителей, что просто удивляться приходится. Таких руководителей бы задвинуть куда подальше, а их люди, наоборот, ставят над собой, а те продвигают такие коварные законы, по которым сместить с высокой должности очередного управляющего очень непросто, а, кроме того, они государственный бюджет разворовывают. Надо сказать, что немало властных людей на Земле, которые в угоду своим личным амбициям и материальному доходу, всячески тормозят прогрессивные, научно-технические идеи. С одной стороны – это закономерно, а с другой… А потом ведь, коли, люди в результате вредной, враждебной пропаганды разделены на враждующие лагеря, неизбежны войны, они и ведутся, не затихая, беспрестанно, со времён каменного века, и, считаю, закончатся гибелью всего человечества. В Организации Объединённых наций вам бы принять международный закон о полном запрете любой враждебной пропаганды по отношению друг к другу. Нужно отработать систему наказаний за вредную и лживую про-

паганду на уровне правительств. Но это моё мнение, а точный прогноз сделают в институте Проблем Человечества после моего и докладов других социологов. Здесь, на Земле нас, геронийских экспертов, пять десятков и находимся мы в разных точках планеты, бывает передвигаемся на время, мы просто, неспеша, изучаем своих, по сути, потомков.

- И как это спецслужбы разных стран вас, инопланетян, не обнаружили? – поинтересовался Николай.

- Это невозможно! – просто ответила геронийка.

- Прости, Лидия, я всё забываю о ваших сверхвозможностях! – поправился астрофизик. – Вы, по необходимости, просто заблокируете участок мозга у любого землянина.

- Могу сообщить вам, -- беспристрастно продолжила неземная девушка, - что через такую же раздробленность и жажду обладания чем-то материальным мы прошли очень давно, десятки миллионов лет назад и с гораздо меньшими потерями, малой кровью, а всё потому, что физические условия на нашей планете сильно отличаются от физических условий Земли. Информация о тех временах хранится в архивах института Истории, туда изредка обращаются только узкие специалисты. После вашей закономерной кончины придётся опять чистить планету от радионуклидов, создавать в ускоренном режиме новую жизнь на Земле, и запускать на ней новый вид человека, но в виде одной расы, с одним языком и культурой по типу нашей, геронийской, то-есть программу развития человечества на Земле упростить.

- Надо же! У нас ведь, уважаемая Лидия, многие прогнозисты предрекают такой вот негативный конец человечеству! – заметил астрофизик.

Лидия грациозно поднялась с табурета, внимательно глянула в глаза каждому из парней. От этого проницающего взгляда человека космоса, совсем другой культуры, другого порядка, друзьям стало до того неловко, что они опустили глаза, боясь, что их сейчас просто вывернут наизнанку, да мигом найдут что-нибудь нехорошее в закоулках души, а так хотелось нравиться неземной девушке, и даже, пожалуй, не противоположному полу, а высшему разумному существу, может быть, звёздному представителю Великого Создателя Вселенной.

- Надо надеяться на здравый человеческий разум, ребята! Какой бы он ни был, но он у вас есть! Спасибо за кофе, Николай! – как-то совсем просто произнесла небожительница. - Я вас оставляю, парни! Вам, пассионариям, есть о чём поговорить, а у меня, сами понимаете, неотложные дела! Для вас мои дела – тёмный лес!

Девушка бесшумно исчезла, а оба друга со смешанным чувством страха и изумления смотрели на то место, которое только что занимала звёздная красавица. Наконец, астрофизик, взглянув на Виктора, убеждённо произнёс:

- Знаешь, Виктор, боюсь, что я теперь на каждую земную красавицу буду посматривать с подозрением, а ну, да она со звезды Барнарда, с планеты под названием Герония…

*****

Игорь Петрович Шевченко, заместитель прокурора города, несмотря на договорённость с предпринимателем Доброхотовым о замалчивании неприятного происшествия, когда любителей преферанса так ловко ограбили ночью, всё-таки, не выдержал и имел тайную беседу с знакомым начальником уголовного розыска городского управления внутренних дел, полковником полиции Георгием Крафтом.

- Ты уж, Георгий Иваныч, - говорил Шевченко, после того как выложил сыщику нехорошую историю, случившуюся накануне, - не рассказывай о нашем позоре своим сослуживцам. У меня к тебе просьба такая будет: не надо выставлять нас, потерпевших, на потеху своим подчинённым, но меры, какие-никакие, всё же принять надо. Сам понимаешь, потакать таким разбоям, ну никак нельзя. Сам понимаешь, они же могут повториться.

Полковник Крафт в душе позлорадствовал и даже про себя в какой-то степени одобрил действия ночных преступников в отношении этих нечестных толстосумов. Он всегда знал, что эти картёжники играют на деньги, которые им достались не в результате тяжких и праведных трудов, а так, в виде откатов, тайных и явных взяток, и других сложных махинаций, с применением административного ресурса. Опытный сыщик всё же настроения своего гостю не выказал.

- Сколько вас было? – приступил к дознанию полковник.

- Семь человек на двух столах! – нехотя ответил прокурор.

- Оружие у преступников было?

- Пистолетом с глушителем главарь шайки угрожал!

- Пистолет-то, небось, детский, пластиковый был? – усмехнулся Крафт.

- Да откуда ж знать? А, если нет? – выразил сомнение Шевченко.

- Ну, хоть какие-нибудь приметы у преступников заметил?

- Да какие там приметы, Георгий Иваныч? Камуфляжная форма как у солдат, на мордах маски, на руках перчатки.

- У Доброхотова играли?

- Знаешь, так что спрашивать! – недовольно бросил Шевченко.

- Конкретно, кто пострадавшие-то? – добивался сыщик.

- Тебе-то не всё равно, Георгий Иваныч? Заявлений от них не будет! Это я тебе точно могу сказать.

- Но я должен возбудить уголовное дело по факту! – настаивал Крафт.

Шевченко уставился совиными глазами на главного сыщика и недовольно прошипел:

- Ну не надо никаких возбуждений, полковник! Я же говорю, жалоб не будет! Ты сначала найди этих скотов, а потом уж что-нибудь придумаем.

Полковник был опытным сыщиком и с прокурорскими работниками сталкиваться по работе приходилось довольно часто. Крафт откинулся на спинку стула задумчиво посмот-

рел на Игоря Шевченко, которого знал давно, понял, что тот своих подельников по карточным играм не назовёт.

- Интересный ты какой-то? – заартачился сыщик. – Я со своими людьми ищи вора, а заявления от потерпевшего нет и не жди. Весь смысл розыска теряется! Ты же законник, сам должен понимать. Говоришь, забрали они у вас всю наличность, банковские карты и даже мобильные телефоны? Сколько хоть наличности-то было? Да и зачем она, коли, у вас банковские карты.

- Да понимаешь, Георгий Иваныч, -- нехотя пояснил Шевченко. – Просто писать цифры на бумаге как-то не то! Интерес в игре подогревает вид кучи денежных купюр на столе. Ну ты что, никогда не играл что ли?

- Понятно! Ладно, Игорь Петрович, давай вот проверим одну вещь, тебя это не затруднит.

Выполняя свою непосредственную обязанность, опытный сыщик принёс из картотеки и включил в компьютер флэшку с голосами подозреваемых. Перебирая на мониторе фамилии, он нашёл, как ему казалось, запись нужного голоса и включил его, из динамика донеслось:

- Может сыграешь? – спросил кто-то и тут же из аппарата донеслось:

- Я каждый день играю, то с полицией, то с ножом или пулей! – ответил другой. – Как пел один цыган из известного кинофильма, мол, я быстро бегу, но пуля быстрей, на то она и пуля… Ха-ха-ха!

- Ну как, не этот ли господин в ту злосчастную для вас ночь командовал грабителями, Игорь Петрович? – вкрадчиво спросил Крафт, выключая аппарат.

Шевченко, боясь ошибиться, неопределённо пожал плечами.

- А чёрт его знает, Георгий Иваныч!? – неуверенно произнёс прокурор. – Вроде он, а, может, и не он. Наговоришь тут на порядочных людей.

- Голоса порядочных людей, Игорь Петрович, запахи и фото мы в своих картотеках не держим! – сурово произнёс старший сыщик.

- Дай ещё раз послушать!

Полковник включил аппарат.

- Вроде бы…

- Он! – уверенно воскликнул сыщик. – Лапшин! По кличке Простата!

- Может быть, но не уверен, -- вяло согласился Шевченко. – Ведь никаких примет, даже косвенных, все были в масках, в медицинских перчатках, на ногах бахилы, псы во дворе были усыплены. Ну никаких следов эти идиоты не оставили, грамотные они до предела, вам сыщикам и зацепиться не за что. Грабители эти оказались уж очень подготовленными. Видать, не первый раз этими делами занимаются…

- Погоди, погоди, Игорь Петрович! – заговорил Крафт. – Мы размотаем этот клубок, развяжем узел, дай срок. Надо бы послушать этот голос остальным твоим собуты… , кар-

тёжникам…

- Нет уж! – решительно воспротивился работник прокуратуры. – Нечего им слушать, не желаю я неприятностей! На меня будут смотреть как на врага народа, мне никто руки не подаст, а вслед плевать будут, ты этого хочешь, Георгий Иваныч?

- Ну что ж, - сожалеюще произнёс полковник. – Воля ваша, Игорь Петрович! Зря только время теряем…

Глава 3.
ЭТОТ УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР

Георгий Иванович Крафт грязноватую и скандальную работу свою худо-бедно любил. Любил в первую очередь за то, что постоянно и ежедневно приходилось вести психологический поединок-тренинг с правонарушителями, которые готовили и совершали преступления сознательно, следы запутывали грамотно, а то и вообще не оставляли. В большом, общем потоке совершаемых преступлений в городе таких было не более пяти-десяти процентов, но они были дерзкими, продуманными и как-то по-своему криминально красивыми по сложности. Криминальные задачи эти сыщикам приходилось решать с большим напряжением, и в этом виделся оперативным работникам определённый кайф. С бессознательными преступлениями, так называемой бытовухой, занимались, в основном, начинающие, молодые оперативники или участковые; они «набивали руку», оттачивали форму своеобразного общения с потерпевшими и мастерство допросов с правонарушителями у молодых работников росло ежедневно на всех этих мелких делах.

Случай с карточным разбоем, о котором ему сообщил заместитель прокурора Игорь Шевченко, главный сыщик Георгий Крафт мог бы и забыть, потому как «дело дохлое», но

вот засело это ночное происшествие в голове, и его можно было бы распутать, да только вот в данном случае бесполезно, и всё из-за того, что потерпевшие категорически не желали жаловаться, писать заявления и предавать дело неминуемой огласке, а потому сыщик нутром чуял и по опыту знал, что такое уголовное дело обязательно развалится во время суда, да и суда никакого не будет. Полковник Крафт понимал щекотливость поведения пострадавших: при раскрутке уголовного дела, обязательно бы всплыли всякие левые доходы любителей преферанса и покера, а доходы эти подозрительные, даже криминальные, а кому охота выворачивать своё грязное бельё? Надо быть больным на голову, чтобы вот так запросто взять и просто выложить оперативнику всю подноготную по формированию своих левых доходов.

Сын и дочь профессию своего отца, полковника Крафта, не любили, не поддержали династически, пошли дети сыщика по жизни своим путём, осваивали в институтах другие, гражданские специальности. Отец их понимал: работу свою любить надо, иначе она станет для человека каторгой. Собираясь утром на работу, Крафт нет-нет, да и вспоминал о случае с картёжниками и настроение у него от этих мыслей было не из лучших, а тут ещё жена, Софья, косо глянув на Георгия, как-то зло рыкнула на него и нервы у полковника сдали:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.